

избранницы – на три года меньше истинного. Эта хронологическая поправка, надо думать, заслуга самой Марии Дмитриевны.

Родившись в Таганроге, она в 14 лет лишается матери. Семья переселяется в Астрахань, где Дмитрий Степанович занимает должность директора Карантинного дома. Мария Дмитриевна выходит замуж за А.И. Исаева, как и ее отец, служившего по таможенной части. В 1851 г. его переводят в Сибирь.

Достоевский знакомится с семейством Исаевых буквально через два три месяца после выхода из каторги и водворения в Семипалатинске. Он предчувствует, что приближается «к кризису всей своей жизни», что созрел для чего-то такого, что он именует *грозым и неизбежным*. Эпитеты, однако, имеют свойство материализоваться. Спустя два года в письме к Врангелю они будут приложены к уже совершившемуся: «О, не дай Господи никому этого *грозного страшного* чувства».

Чувство между тем растет и делается необоримым. Он признается, что думал о самоубийстве – *буквально* (он, не сокрушенный эшафотом и Мертвым домом) и что для него нет выбора: «Или с ума сойду, или в Иртыш». Так десятилетием ранее мнившийся ему неуспех «Бедных людей» тоже решительно сопрягается с отказом от жизни: «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву». Изменились, как видим, только топографические предпочтения.

Конечно, можно сказать, что все это *литература*. Но Достоевский по сути своей – экстремал. Для него не существует промежуточных вариантов. И если о возможном провале первого своего романа он говорит: «я не переживу смерти моей *idée fixe*», то тут есть сходство: его сибирский роман – тоже *первый* и тоже владеет всем его существом.

Письма к одинокой девственнице

Любовь Федоровна уверяет, что в двадцать лет ее отец жил «как святой» (wie ein Heiliger). «К женскому обществу, – в свою очередь замечает домашний врач, наблюдавший Достоевского в молодости, – он всегда казался равнодушным, и даже чуть ли не имел к нему какую-то антипатию...» И раздумчиво добавляет: «Может быть, и в этом отношении он скрывал кое-что». Иные из позднейших биографов стараются развить этот тезис, горячо настаивая на том, что досибирский период жизни автора «Белых ночей» был «необычайно бурен в половом отношении».⁵ Эта ученая гипотеза столь же труднодоказуема, сколь и дочерние уверения прямо противоположного свойства.

Как бы то ни было, в письмах Достоевского сороковых годов мы не встретим ни одного женского имени, которое было бы названо под определенным ударением. (За исключением разве Авдотьи Панаевой, краткая и отчасти литературно окрашенная (жена поэта, вскоре – подруга другого поэта), влюбленность в которую, кажется, никак не сказалась в его судьбе). Это – разительный контраст с пушкинским или лермонтовским жизнеощущением. Мерной поступью минует он пору, казалось бы, самой природой назначенную для романтических безумств и признаний. Во всяком случае, мы ничего не знаем о таковых.⁶

О какой-либо интимной жизни на каторге говорить не приходится, хотя, как ни странно, она полностью не исключалась. Осведомленный наблюдатель, упомянув о калачницах – молодых бабах, продававших калачи арестантам у ворот острога, добавляет, что тут же завязывались романы, «развязка коих происходила во время работ в укромных местечках», и что

5. Кашина-Евреинова А. Подполье гения. Пг., 1923. С.21

6. Подробнее см.: Волгин И. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991.